

ББК 60.561.52

Н. Б. Гафизова, Д. И. Смирнова

ОТЦОВСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ПОЛНЫХ СЕМЬЯХ И НЕПОЛНЫХ (ВСЛЕДСТВИЕ РАЗВОДА) (На примере г. Иваново)

Рассматривается реализация роли отца с позиции оценки ее детьми. Данная роль проявляется в выполнении мужчиной воспитательной, социально-статусной, хозяйственно-бытовой, экономической, досуговой, коммуникативной функций и функции социального контроля по отношению к своим детям. Делается вывод о том, что изменение отцовской роли происходит очень медленно, а «вовлеченный отец» пока лишь образ, присутствующий в общественном сознании.

Ключевые слова: родительство, отцовство, «вовлеченное отцовство», родительские роли, маскулинность.

N. B. Gafizova, D. I. Smirnova. The fatherhood as a social phenomenon in complete and incomplete (due to divorce) families (The example of Ivanovo)

The article discusses fatherhood as a social phenomenon. The authors use the functional approach to research father's role. The realization of this role is a sum of educational, domestic, economic, communicative, leisure and social control functions in the family.

Fatherhood is characterized as a complex phenomenon formed as a result of interaction between normative societal regulations and individual attitudes emerging from father and child relationship. The experiential base of the article is the data of in-depth interviews of complete and incomplete (due to divorce) families.

The authors identify fatherhood's main characteristics, the effects of the distancing between a child and a father after the divorce, the gender differentiation and lack of generations differentiation. In conclusion the authors summarize the main results of the study and conclude that the transformation of father's role is slow and the "involved and caring father" is so far just the image present in the social consciousness.

Key words: parenthood, fatherhood, "involving fatherhood", parental roles, masculinity.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 67–77

© Гафизова Н. Б., Смирнова Д. И., 2015

Гафизова Наталья Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, gafizovanb@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Смирнова Дарья Игоревна — студентка магистерской программы «Социология социальных изменений», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, dashac.93@mail.ru (student of the Master Program "Sociology of social changes", Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Понятие «родительство» включает родительское поведение, его когнитивные, эмоциональные и нормативные аспекты [Гурко, 2013а: 8]. Как отмечает социолог семьи Т. А. Гурко, наметилось четыре основных направления изучения отцовства: культурные репрезентации отцовства, вовлеченность отцов в уход за детьми и общение с ними, отцовство с точки зрения формирования личности ребенка, становление отцовской идентичности, в том числе под влиянием общения с ребенком, матерью и другими заинтересованными сторонами [Гурко, 2008: 92—96]. В рамках данной статьи мы обратимся к анализу отцовства посредством изучения содержания и формы реализации отцом родительской роли в полных семьях и семьях после развода.

Трансформация гендерных ролей в современном обществе во многом определила процесс перераспределения родительских функций: матери включаются в профессиональную трудовую деятельность, а отцы получили возможность участвовать в жизни своего ребенка (отпуск по уходу за ребенком, больничный). Так, уже в Семейном кодексе РФ (1995 г.) в качестве объекта правоотношений стало выступать не только материнство, но и родительство. Законом предусмотрена возможность предоставления материнского капитала отцу ребенка (усыновителю) в случае смерти матери, лишения ее родительских прав, отмены усыновления. В 2008 г. учрежден орден «Родительская слава» для родителей, воспитывающих (воспитавших) четверых и более детей. Таким образом, объектом семейной политики в современной России выступают оба родителя [Хасбулатова, Смирнова, 2008: 13]. Произошло уравнивание в родительских правах мужчин и женщин, это стало признаваться и обществом. Так, по мере того как молодые женщины в России включаются в предпринимательство и начинают занимать руководящие должности, меняется и поведение отцов: повышается их внимание к детям. Тем не менее этот процесс происходит относительно медленно и, скорее, не массово [Гурко, 2013b: 126].

Научная рефлексия понятия «отцовство» насчитывает не одно десятилетие. В качестве предмета социологических исследований родительство и отцовство стали рассматриваться в позднесоветский период (50—80-е гг. XX в.). Советские социологи А. И. Антонов, М. С. Мацковский, В. М. Медков, Н. М. Римашевская, А. Г. Харчев и другие исследовали изменения, которые произошли в советской семье из-за активного включения женщин в экономическую и общественную жизнь, проблему распределения семейных обязанностей между членами семьи [Антонов, Медков, 1996; Изменение положения женщины и семья, 1977; Мацковский, 1989; Римашевская, Каряпетян, 1985; Харчев, 1979]. Первоначально (1950-е гг.) отцовство и отцовская роль интерпретировались в контексте традиционных гендерных установок: отец должен быть прежде всего добытчиком. Но уже в 1960-х гг. ученые начинают обращать внимание на воспитательный потенциал отца в семье, а десятилетием позже под влиянием глобальных трансформаций в обществе возникла модель «вовлеченное отцовство». Согласно этой модели, отец должен быть не только защитником и добытчиком, но и заботливым воспитателем (участвовать в играх, общении с ребенком и т. д.) [Авдеева, 2012: 95—96].

Середина 1980-х — конец 1990-х гг. отмечены усилением научного интереса к вопросам жизни семьи. Проблематика исследований была самая

разнообразная, но нечасто в качестве самостоятельных обсуждались вопросы, касающиеся содержания отцовской роли, социальных практик отцовства, государственной политики в сфере отцовства и т. д. [Звонарева, 2014: 9].

Современные исследования отцовства подчеркивают вариативность реализации отцовских функций в зависимости от базовой культуры общества, политического режима, особенностей социальной политики государства. Отцовство начинает рассматриваться через призму маскулинности и социокультурных условий ее формирования, считается, что роль отца осуществляется в процессе гендерной социализации детей, причем как мальчиков, так и девочек [Гурко, 2003: 75—77]. Исследование отцовства сквозь призму гендерного подхода позволяет увидеть связь отцовской роли с нормативной моделью маскулинности [Клецина, 2009: 31], эволюцией гендерной идеологии в государстве [Звонарева, 2014], политической мифологией и специфическими трактовками равенства полов [Хасбулатова, 2004: 309].

Вариативность современного отцовства расширяет поле научного анализа. Так, О. В. Стасенко затрагивает феномен одинокого отцовства и акцентирует внимание на том, что, хотя в настоящее время насчитывается более ста тысяч отцов-одиночек, термина «отец-одиночка» юридически не существует [Стасенко, 2010: 78—80]. Ж. В. Чернова изучает явление «отсутствующего отца», заключающееся в том, что отец, выполняя роль добытчика, становится фактически исключенным из повседневного ухода за детьми, их воспитания и заботы о них [Чернова, 2012: 108]. Как указывает И. С. Клецина, «отсутствующий отец — это отец, который практически не включен в повседневную жизнь ребенка/детей либо утратил контакт с детьми вследствие развода» [Клецина, 2009: 38].

Отметим, что проблема включенности отца в жизнь своих детей затрагивает как полные, так и неполные семьи. По данным Т. А. Гурко, отцы в среднем в 10 раз меньше времени уделяют своим детям, нежели матери. Причем это происходит не только в тех семьях, где мать не работает и полностью занимается детьми, но и там, где супруги вместе обеспечивают семью [Гурко, 2013а: 55—56].

Таким образом, как показывают проведенные исследования отечественных историков, социологов и психологов, трансформация отцовской роли — это длительный процесс. Возникшие вариации отцовства обуславливаются и изменениями стандартов маскулинности, и переменами, произошедшими в государственной социальной политике и политике по отношению к семье, и реальными демографическими процессами. Современное российское общество и государство заинтересованы в том, чтобы отцы стали более активными агентами социализации детей, а социальная дистанция между отцом и ребенком сокращалась. Такое понимание отцовства воплощается в термине «вовлеченное отцовство».

В своем исследовании мы рассматриваем отцовство как социальный феномен, в котором проявляются и взаимодействуют нормативные (дискурсивные) предписания, касающиеся социальной роли отца, и индивидуальные установки, раскрывающиеся в понимании информантами сущности роли отца в контексте описания взаимоотношений с ним. В качестве отправной точки

нашего исследования выступило понятие «отцовская роль» как участие отцов в жизни детей, связанное с выполнением мужчиной воспитательной, социально-статусной, хозяйственно-бытовой, экономической, досуговой, коммуникативной функций и функции социального контроля по отношению к своим детям. Эмпирической базой стали данные глубинного интервью, проведенного летом 2013 — весной 2014 г. среди представителей полных и неполных семей. Значимыми социально-демографическими характеристиками информантов в исследовании явились пол, состав семьи — полная/неполная, возраст. Нашими информантами выступили жители г. Иваново в возрасте от 18 до 75 лет. Опрос предполагал, что информанты должны были отразить опыт общения с собственным отцом.

Анализ реализации отцами родительских функций целесообразно начать с воспитательной функции, поскольку именно она во многом предопределяет степень и характер участия отца в жизни ребенка.

Восприятие воспитательной функции отца дифференцируется в зависимости от пола информантов. Мужчины, подразумевающие необходимость некоего образца маскулинности, были более склонны отмечать значимость отца в собственном воспитании: *Скорее всего отец сыграл большую роль в моем воспитании, ведь я, как мальчик, равнялся на него, смотрел на то, каким должен быть настоящий мужчина. Он старался передать мне какие-то жизненные навыки, интересовался моей жизнью, давал советы, подавал пример* (А. А., муж., полн., 27 лет).

Информанты, рассуждая о роли отца в воспитании, отмечали важное значение его присутствия в семье, но когда их просили конкретизировать проявления отцовского воспитания — в плане методов, способов, субъектности, то зачастую возникали трудности и все сводилось к утверждению его физического присутствия и личного примера: *Тетя сыграла большую роль в воспитании. Отец тоже занимался моим воспитанием, он же и больше повлиял на формирование моей жизненной позиции, потому что был более образованный, а мать в основном занималась хозяйством* (Н. Н., муж., полн., 71 год).

В восприятии женщин из полной семьи воспитательная роль отца предстает как менее значительная, несмотря на то что сама фигура отца наделяется важным смыслом: *Сама воспитывалась. Но папа все-таки в большей степени оказал влияние. — Н. Г., Д. С.), скорее всего своим личным примером* (Е. Е., жен., полн., 52 года). В некоторых женских интервью роль отца в воспитании оценивается как менее важная по сравнению с ролью матери, подчеркивается косвенное участие отца в воспитании девочки: *Воспитывала мама, т. к. папа учился, но я папина дочка. Чем старше, тем больше я тянусь к папе. Я стараюсь быть похожей на него, он показывает нам все личным примером* (Ю. В., жен., полн., 21 год); *Папа в основном узнавал о наших делах через маму и советы и наказания передавал тоже через нее. Но мы очень его уважали, и его мнение было для нас очень важным* (С. Ф., жен., полн., 72 года).

Рассмотрим теперь оценку воспитательной функции отца представителями неполных семей. Судя по высказываниям наших информанток, развод не только кардинально меняет формат общения между отцом и дочерью, но и обуславливает снижение воспитательного воздействия со стороны отца.

Отсутствие отца в повседневной жизни компенсируется совместным досугом с разной степенью регулярности, что в конечном счете приводит к еще большему сокращению совместно проводимого времени и способов отцовского воспитания: *Мне кажется, что папа особо никакого вклада в мое воспитание не внес. Он приучил меня к спорту. После развода мы мало общались. Он приходил, мы гуляли. Но мы все равно общались, он участвовал в моей жизни, но непосредственно воспитанием не занимался... Повлиял только тем, что я очень люблю мужчин в форме. Папа был милиционером* (А. С., жен., неполн., 19 лет); *Он вообще никак не занимался моим воспитанием, естественно, и не приучил меня ни к чему* (А. В., жен., неполн., 41 год).

В оценках мужчин прослеживаются практически те же самые тенденции, что и в оценках женщин. Но в отношениях отцов и сыновей после развода не остается места даже совместному досугу, отцы не уделяют времени ребенку и никак не компенсируют дефицит внимания: *Мама внесла больший вклад в мое воспитание. Отец внес совсем незначительный вклад. В отличие от отца она воспитывала меня всю мою жизнь* (Д. Е., муж., неполн., 21 год); *Мама всегда нас учила всему. Папа, может, и повлиял, но не могу сказать как* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *Мама повлияла, потому что папа мной не занимался* (К. С., муж., неполн., 27 лет).

Таким образом, можно заключить, что в представлениях ивановцев присутствуют определенные противоречия между нормативными ожиданиями и индивидуальным опытом. Наши информанты отмечали значимость воспитательного воздействия отца и одновременно фиксировали его дистанцированность, усиливающуюся после развода.

Обратимся теперь к анализу социально-статусной функции отца. Данная функция исследуется нами прежде всего сквозь призму восприятия отцом детьми, отношения к его советам. Анализ ответов наших информантов позволяет выявить три типа восприятия отцов своими детьми: «папа-друг», «папа — муж мамы», «папа-пример». Следует отметить, что образ отца как друга в основном присущ информантам-женщинам из полных семей: *Папа для меня друг, он исключительный папа — иногда помогал мне даже больше мамы. Он всегда был примером для меня* (Н. Ф., жен., полн., 29 лет), тогда как восприятие отца преимущественно через взаимоотношения с матерью — «мамин муж» — встречается в высказываниях информантов обоего пола из неполных семей: *Мамин муж, человек, который дал мне жизнь* (Н. В., жен., неполн., 49 лет); *Мамин муж — он не участвует в моей жизни, является моим отцом формально* (Д. Е., муж., неполн., 21 год). Образ отца как пример для подражания встречается в ряде высказываний информантов-мужчин из полных семей: *Конечно, я всегда прислушивался к его словам. Он был для меня примером во всем. Не пил, не курил, не гулял, семью содержал. За советом обращался, но только в крайних случаях, потому что предпочитал справляться сам* (Н. Н., муж., полн., 71 год).

Важно отметить, что информанты из неполных семей, рефлексировав опыт взаимоотношений с отцом, высказывают негативные оценки по ряду аспектов его социально-статусной функции: *Он был неидеальным отцом: приносил деньги в семью, изредка занимался моим воспитанием* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *Я не очень многое помню из того, что он говорил. Я тут находила письма,*

которые он писал. И сейчас я отношусь к этому хорошо. Но, наверное, прислушивалась на тот момент, он старался повлиять на меня. И я за это ему благодарна (А. С., жен., неполн., 19 лет).

В целом мы видим, что в оценках детей реализация социально-статусной функции во многом коррелирует с составом семьи. Полная семья способствует более близким, дружеским отношениям отца с ребенком. Неполная приводит к формированию отстраненного образа отца — как бывшего мужа матери, биологического родителя. Таким образом, эмоциональная близость и насыщенность во взаимоотношениях отца и ребенка обусловлены совместным проживанием родителя и детей.

Анализ реализации хозяйственно-бытовой функции позволил нам установить, что традиционное гендерное разделение домашних обязанностей продолжает устойчиво воспроизводиться в ивановских семьях. В восприятии наших информантов отцовское участие зачастую сводилось к выполнению так называемой мужской работы. Информанты независимо от состава семьи и поколения свидетельствовали: *Отец занимался в основном хозяйством. Дом вела мама. Приучил меня помогать по дому* (Н. Н., муж., полн., 71 год); *Выполняет все мужские дела, занимается огородом. После инвалидности и убирается, и готовит. Приучил меня ко всем мужским обязанностям по дому* (А. Ф., муж., полн., 22 года); *Отец постоянно делал мужскую работу по дому. Меня приучил работать в огороде, вести хозяйство* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *Папа занимался только ремонтом. А меня ни к чему не приучил* (В. А., жен., неполн., 18 лет).

Активизация участия отца в ведении домашнего хозяйства и бытовой жизни связывается нашими информантами с ситуацией одинокой жизни после развода: *Папа убирал дом, готовил, т. к. жил один. Меня приучил чистить картошку, высаживать цветы* (Ю. А., жен., неполн., 33 года) — либо окончанием активной трудовой деятельности: *Когда уже был в отставке, готовил, а так, все что мужчине положено по дому, то и делал. Приучил к трудолюбию личным примером* (С. Ф., жен., полн., 72 года). Крайним вариантом выступает абсолютное неучастие отца в хозяйственно-бытовой жизнедеятельности семьи, которое отмечается представителем семьи неполной: *Не помню, делал ли он что-то, но меня он точно ни к чему не приучил* (Д. Е., муж., неполн., 21 год). Таким образом, хозяйственно-бытовая функция отца воспринималась информантами прежде всего через выполнение им традиционных мужских обязанностей по дому и приучение к ним сыновей.

Степень дистанцированности отца также существенно повлияла на оценку информантами выполнения им экономической функции. Информанты из неполных семей скорее подсознательно делали акцент на характеристике общего уровня материального благополучия семьи, не связывая напрямую этот уровень с непосредственным участием отцов: *Мне было 8 лет, и конечно же, меня все устраивало на тот момент, когда отец жил с нами. А после развода мы тоже жили хорошо* (Д. Е., муж., неполн., 21 год); *Полностью устраивало, т. к. мы жили очень хорошо. Мама постоянно бывала за границей, и у меня были самые лучшие игрушки и вещи* (Ю. А., жен., неполн., 33 года).

Информанты из полных семей высказывали скорее удовлетворительные оценки реализации экономической функции своими отцами: *Обеспечил, думаю.*

Помогал, когда уехала из дома, без средств к существованию не оставил. Конечно, квартиры не оставил, но какое-то небольшое, так сказать, наследство было (Е. Е., жен., полн., 52 года); Удовлетворен, но денег много не бывает. Всегда хочется больше (А. С., муж., полн., 42 года). Даже в ситуации, когда отец в силу тех или иных обстоятельств не принимал активного участия в материальном обеспечении ребенка, его моральное участие рассматривалось как крайне важное: Отец не смог ни обеспечить меня отдельной квартирой, ни оплатить мне образование. Но он всегда хотел сделать для нас с сестрой все, что в его силах. И пока мы жили с родителями, мы не нуждались. А образование я получил сам и квартиру тоже, но этого не получилось бы без его помощи и поддержки (А. С., муж., полн., 42 года).

Обратимся теперь к анализу функции социального контроля. Данная функция проявляется в практиках применения отцами санкций за недолжное поведение, выборе вида санкций, стремлении привить детям определенные моральные ориентиры.

Информанты из полных семей отмечали, что отцы использовали довольно мягкие, ненасильственные формы воспитательного воздействия, причем независимо от того, в отношении кого они применялись — сына или дочери: *Не наказывал. Хватало только посмотреть и все. Мы понимали сразу (Н. Н., муж., полн., 71 год); Папа наказывал. Заставлял читать книжки, ставил в угол, запрещал что-либо, проводил воспитательные беседы (А. Ф., муж., полн., 22 года); Родители не наказывали меня, проводили только воспитательные беседы (А. А., муж., полн., 27 лет).*

Обратную ситуацию мы находим в ответах информантов из неполных семей: *Отец всегда ругал меня, постоянно! (Л. Е., муж., неполн., 73 года); Да, наказывал. Ставил в угол, бил ремнем (Д. Е., муж., неполн., 21 год); Наказывал, ставил в угол, а воспитательные беседы проводила только мама. Папе это было не очень-то интересно (В. А., жен., неполн., 18 лет).* Приведенные цитаты позволяют нам косвенно судить также и том, что, возможно, подобный стиль отцовства выступает одной из причин развода.

Тенденцией современного родительства, как указывают многие социологи, является нехватка у родителей времени на общение и совместный досуг с детьми. Полнота реализации досуговой функции напрямую связана с присутствием отца в семье. Информанты из полных семей в целом позитивно характеризуют совместный досуг с отцом: *Оба были инициаторами и в детстве, и во взрослом возрасте. А так как жили вместе, то и время проводили вместе периодически (Н. Н., муж., полн., 71 год); В детстве часто гуляли, ходили куда-нибудь вместе. А сейчас уже реже, только когда или мы к ним, или родители к нам приезжают. Инициаторами мы оба являемся, как понимаете (А. А., муж., полн., 27 лет); Мы часто проводим досуг вместе с отцом, когда был в подростковом возрасте и сейчас: много гуляем, ездим на шашлыки, устраиваем посиделки. А вот когда был маленьким, проводили время реже, потому что отец много работал (А. Ф., муж., полн., 22 года).* Ситуация развода существенно меняет стиль и полноту реализации досуговой функции: *В детстве проводили время вместе постоянно, а после развода намного реже, т. к. я уже жил отдельно*

(В. Е., муж., неполн., 58 лет); *После развода мне очень не хватало времени, которое я проводил бы с отцом* (Д. Е., муж., неполн., 21 год); *Я ездила к папиным родителям в деревню, и он тоже туда приезжал. Лет до 11 примерно 2 раза в год, после только летом стали видеться* (Н. В., жен., неполн., 49 лет); *Если честно, то до развода я не очень помню это. Он часто был на работе, мы мало времени проводили вместе. А после развода время вместе проводили раза два в месяц примерно* (А. С., жен., неполн., 19 лет); *До развода не комфортно, сейчас более или менее. Мне тяжело было с ним находиться постоянно вместе, а изредка его видеть мне более комфортно* (В. А., жен., неполн., 18 лет).

В плане реализации коммуникативной функции результаты интервью позволили выявить зависимость ее оценки от совместного/раздельного проживания отца с ребенком, а также от пола ребенка. Женщины из неполных семей отмечают отсутствие контакта с отцом, фиксируют сложности и дискомфорт в общении с ним: *Да, не могла установить с ним контакт... Отношения у нас были никакие, т. к. боялась его* (Н. В., жен., неполн., 49 лет); *До развода он не интересовался ничем, мы редко разговаривали. Общение заключалось только в ругани. После развода разговариваем на отвлеченные темы и внимания вроде бы побольше* (В. А., жен., неполн., 19 лет). Важно, что информанты ощущают нехватку общения с отцом и воспринимают это как реальную проблему: *Мне очень хотелось бы и сейчас общаться с отцом, жаль, что это невозможно* (В. Е., муж., неполн., 58 лет); *С ним как с реальным человеком общение не очень важно. А вот отцовской поддержки не хватает. Но мне кажется, что, если бы он был жив (умер через 7 лет после развода. — Н. Г., Д. С.), мы бы уже не общались* (А. С., жен., неполн., 19 лет).

В полных семьях качество общения с отцом иное. Наши информанты отмечали большую близость, комфорт при общении с родителем. Ведущим стилем в общении, характерным для полной семьи, был стиль «отец — ребенок», т. е. вертикальный, реже «друг — друг», т. е. горизонтальный. Отметим, что стиль во многом обусловлен полом ребенка. Так, наши информантки, характеризуя свое общение с отцом, отмечали: *Мне комфортно было находиться рядом с отцом. Отношения «отец — дочь» и дружеские, но я не могла поговорить с ним обо всем* (О. Н., жен., полн., 48 лет); *Скорее «отец — дочь», ближе к дружеским, но я не могла с ним говорить обо всем* (Т. Н., жен., полн., 42 года). По мнению информантов мужского пола, общение с отцом было более равным, дружеским: *Всегда было комфортно. Отношения у нас были «отец — сын»* (Н. Н., муж., полн., 71 год); *Да, комфортно находиться рядом с отцом. В каких-то случаях «отец — сын», в каких-то дружеские* (А. Ф., муж., полн., 22 года).

В целом анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что качество реализации отцом коммуникативной функции во многом детерминируется степенью дистанцированности родителя от ребенка и гендерными различиями.

Подходя к завершению анализа результатов интервьюирования, остановимся еще на одном значимом аспекте взаимоотношений отцов и детей. Мы исходили из понимания того, что различные оценки функций, реализуемых родителем, во многом обуславливают общую оценку отца. По нашему мнению, она проявляется в такой характеристике, как «любовь — нелюбовь».

Исследование показало, что существует прямая зависимость данной характеристики от совместного или раздельного проживания: *Скорее всего любила отца. Но было к нему больше уважения и гордости за него, потому что его как человека всегда уважали* (С. Ф., жен., полн., 72 года); *Люблю отца, обожаю. А любовь к родителям я не могу разделить* (А. С., муж., полн., 42 года). В восприятии детей из неполной семьи мы видим другие оценки, происходящие преимущественно из сравнения роли отца и матери: *Любовь к отцу больше романтическая, больше связана с воспоминаниями. Мама более реальный для меня человек, который всегда помогает. Более осязаемая к маме любовь, она мне ближе* (А. С., жен., неполн., 19 лет); *Любовь к матери сильнее, чем любовь к отцу, потому что заботы от нее было больше* (Д. Е., муж., неполн., 21 год).

Однако стоит отметить, что в определении общего отношения к отцу большую роль играют сложившиеся и отрефлектированные постфактум характер отношений с отцом, степень участия в жизни ребенка матери: *Конечно, я могу сказать, что я его люблю. Папу и маму люблю одинаково, но папа ближе, потому что с мамой жила меньше* (Е. Е., жен., полн., 52 года); *С матерью более тесный контакт, с ней больше разговаривали. Но я не могу сказать, что чем-то очень отличается* (Т. Н., жен., полн., 42 года).

Подводя итоги, можно отметить следующее. Анализ материалов интервью позволил выявить значимые характеристики отцовства: эмоциональную ограниченность (прежде всего по линии «отец — дочь»), дистанцированность, усиливающуюся после развода, преимущественный акцент на использование непрямых (опосредованных матерью) методов участия в жизни семьи и ребенка, слабую реализацию хозяйственно-бытовой функции.

Проведенный опрос показал, что увеличение дистанции между ребенком и отцом после развода существенно меняет форму и качество реализации отцовской роли в сторону сокращения ее компонентов: отец менее активно участвует в процессе формирования личности ребенка, разрываются эмоциональные и коммуникативные связи, сокращается время совместного досуга, приобретают иное качество экономическая и хозяйственно-бытовая функции.

Ответы информантов позволяют судить и о слабой дифференциации по поколенческому признаку. Существенных различий в выражении отцовской роли в зависимости от возраста не было выявлено. На основании этого, полагаем, можно утверждать, что отцовская роль как производная статуса крайне медленно трансформируется в современном обществе.

Таким образом, идея «вовлеченного отцовства», подразумевающая отца как заботливого воспитателя, полноценного и равноправного партнера в семье, это по-прежнему лишь проект/запрос, который присутствует в нашем общественном сознании. Именно поэтому дальнейшее изучение отцовства во всем его многообразии представляется крайне перспективным прежде всего в плане понимания тех мер и условий, которые должны быть предприняты и созданы для того, чтобы новый, партнерский тип семьи стал для России реальностью. Полагаем, что эти позитивные перемены будут во многом зависеть от направленности государственной семейной политики и преодоления гендерных стереотипов в массовом сознании.

Библиографический список

- Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95—96.
- Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.
- Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 209 с.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 325 с.
- Гурко Т. А. Актуальные проблемы родительства в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2013а. С. 55—56.
- Гурко Т. А. Качество родительства в молодых семьях: понятийный аппарат, стратегия и выборка исследования // Актуальные проблемы родительства в России / отв. ред. Т. А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2013б. С. 8—28.
- Звонарева А. Е. Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 152 с.
- Изменение положения женщины и семья: сборник статей / АН СССР; Ин-т социол. исслед.; отв. ред. А. Г. Харчев. М.: Наука, 1977. 214 с.
- Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41.
- Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы, теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 112 с.
- Римашевская Н. М., Карапетян С. А. Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М.: Мысль, 1985. 235 с.
- Стасенко О. В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 78—82.
- Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979. 365 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 372 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.
- Чернова Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 103—122.

References

- Avdeeva, A. V. (2012) “Vovlechennoe ottsovstvo” v sovremennoĭ Rossii [“Involving fatherhood” in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 95—96.
- Antonov, A. I., Medkov, V. M. (1996) *Sotsiologĭia sem’i* [Sociology of the family], Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Chernova, Zh. V. (2012) Semeĭnaia politika v zapadnoevropeĭskikh stranakh: modeli ottsovstva [Family policy in West European’s countries: a model of fatherhood], *Zhurnal sotsiologii i antropologii*, no. 1, pp. 103—122.
- Gurko, T. A. (2003) *Roditel’stvo: sotsiologicheskie aspekty* [Parenthood: sociological aspects], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Gurko, T. A. (2008) *Brak i roditel’stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Gurko, T. A. (2013a) *Aktual’nye problemy roditel’stva v Rossii* [Actual problems of parenthood in Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.

- Gurko, T. A. (2013b) Kachestvo roditel'stva v molodykh sem'iakh: poniatiinyi apparat, strategii i vyborka issledovaniia [The quality of parenthood in young families: the conceptual apparatus, sampling strategy and research], in: *Aktual'nye problemy roditel'stva v Rossii*, Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 8—28.
- Kharchev, A. G. (1979) *Brak i sem'ia v SSSR* [Marriage and family in the USSR], Moscow: Mysl'.
- Khasbulatova, O. A. (2004) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Èvoliutsiia gosudarstvennoi politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX — nachale XXI veka [The evolution of the State Family policy in Russia in the XX — beginning of the XXI century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Kletsina, I. S. (2009) Otsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniiu maskulinnosti [Fatherhood in the analytical approach to the study of masculinity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 13, pp. 29—41.
- Matskovskii, M. S. (1989) *Sotsiologiia sem'i: Problemy, teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of the family: The problems of theory, methodology and techniques], Moscow: Nauka.
- Rimashevskaiia, N. M., Karapetian, S. A. (1985) *Sem'ia i narodnoe blagosostoianie v razvitom sotsialisticheskom obshchestve* [Family and people's welfare in the developed socialist society], Moscow: Mysl'.
- Stasenko, O. V. (2010) Odinskoe otsovstvo v sovremennom rossiiskom obshchestve: prichiny vzniknoveniia i osnovnye problemy [Lonely fatherhood in modern society: the causes and major issues], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—80.
- Zvonareva, A. E. (2014) *Sovetskoe otsovstvo: stanovlenie, konstruirovaniie i transformatsiia praktik* [Soviet fatherhood: the establishment, construction and transformation of practices], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.